

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов

БОРОДИНО
СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОЭМА, СКАЗКА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Annotation

В книгу вошли произведения Михаила Юрьевича Лермонтова: поэма «Песня о... купце Калашникове», сказка «Ашик-Кериб» и самые известные стихотворения: «Утес», «Парус», «Тучи», Из Гете («Горные вершины»), «Когда волнуется желтеющая нива...», «Смерть Поэта» и многие другие.

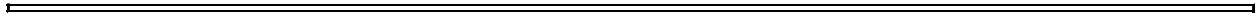
- [Михаил Юрьевич Лермонтов](#)

-
- [Л. Смилевска](#)
- [Бородино\[1\]](#)
- [Парус](#)
- [Утёс](#)
- [Молитва](#)
- [Тучи](#)
- [«Когда волнуется желтеющая нива...»](#)
- [Осень](#)
- [«Выхожу один я на дорогу»](#)
- [Из Гёте](#)
- [«На севере диком стоит одиноко...»](#)
- [Листок](#)
- [Три пальмы](#)
- [Два великана](#)
- [Кинжал](#)
- [Кавказ](#)
- [Желанье](#)
- [Родина](#)
- [Молитва](#)
- [Ангел](#)
- [Нищий](#)
- [Поэт](#)
- [Пророк](#)
- [Смерть поэта](#)
- [«Нет, я не Байрон, я другой...»](#)
- [Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова](#)
- [Ашик-Кериб\[30\]](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

Михаил Юрьевич Лермонтов
Бородино (сборник)

Л. Смилевска

Наследник Пушкина

Вам в школе, конечно, уже рассказывали про Михаила Юрьевича Лермонтова. Ты наверняка знаешь, что прожил он всего 27 лет (с 1814 по 1841 г.) и что это была короткая, но очень насыщенная жизнь. Имя Лермонтова всегда приходит в голову вторым после Пушкина, когда просят назвать великих русских поэтов. Сравнений и правда не избежать: оба удивительно талантливые, оба погибли молодыми и оба за отведённые им годы успели оставить в русской литературе след на многие века. И так же как с именем Пушкина прочно связаны Михайловское и Болдино, так с именем Лермонтова – Кавказ.

На Кавказе Лермонтову довелось побывать несколько раз ещё ребёнком. Говорят, там же он впервые по-настоящему влюбился. И это было редкое светлое чувство, ведь поводов для радости в детстве и юности поэта было немного. Он рано потерял мать, почти не виделся с отцом, а рос у бабушки – Е. А. Арсеньевой в имении Тарханы в Пензенской губернии. Бабушка, надо сказать, обладала крутым нравом: воспитывала мальчика в строгости, готовила к блестящей военной карьере. От природы наделённый мягким характером, Лермонтов очень страдал. Может, поэтому он вырос немного нелюдимым, бывал язвительным и заносчивым... Именно одна из отпущенных им острот приведёт поэта к смертельной дуэли с офицером Мартыновым.

В 1827 году Лермонтов покинул бабушкино имение Тарханы и отправился на учёбу в Москву. Он много писал, сперва подражая Гюго, Шиллеру, Байрону. Подражал он и Пушкину. Это неудивительно: Пушкин и сам начинал с подражаний великим предшественникам – Державину и Жуковскому. В то время Лермонтов написал такие известные стихотворения, как «Парус» и «Ангел». Но они не приносили славы вплоть до 1837 года, когда был убит на дуэли А. С. Пушкин. Смерть Пушкина разделила жизнь Лермонтова на «до» и «после». Получилось, что гибель одного великого поэта подарила России другого: именно гневное стихотворение-обвинение «Смерть Поэта» принесло Лермонтову народное признание – и, конечно, немилость Николая I. Ведь Лермонтов возлагает вину за гибель Пушкина не только на Дантеса, но и на всех, кто, по его мнению, руководил им, намекая в том числе и на царских вельмож. Поэта

арестовали, а позже перевели служить на Кавказ. Там он много путешествовал, изучал фольклор, собирал легенды и предания, тогда же записал сказку «Ашик-Кериб».

Часто, даже чаще всего тема его стихотворений – это потеря. Герой Лермонтова теряет Родину, покой, свободу. Размышляет Лермонтов и о роли поэта в обществе. Поэт для него – не просто творец, но в первую очередь обличитель пороков и последний глашатай истины. Именно об этом известные стихотворения – «Поэт», «Пророк», «Дума». Лермонтов ищет и не находит нравственный идеал в современности, он обращается к героическому прошлому. Так рождаются знаменитые «Песня про царя Ивана Васильевича...» и «Бородино». Общество XIX века, по мнению поэта, губительная среда для сильных, цельных натур. Обвинительный приговор обществу звучит и в романе «Герой нашего времени», и в драме «Маскарад».

Взгляни ещё раз на портрет Лермонтова. Да, много грусти и в глазах поэта, и в его стихах. Погиб он на дуэли, вызванной пустячной ссорой. Его короткий творческий путь – немногим более 13 лет – закончился, едва начавшись. Но этого времени хватило ему, чтобы остаться в памяти потомков не только и не столько наследником Пушкина, что уже немало, но самобытным, ни на кого не похожим великим русским поэтом.

Бородино^[1]

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром^[2],
    Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
    Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
    Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
    Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
    Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
    О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на воле!
Построили редут^[3].
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью^[4]!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи^[5]!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета^[6],
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак^[7] открытый:
Кто кивер^[8] чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы^[9] с пёстрыми значками,
Драгуны^[10] с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,

Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
    В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
    Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы, – он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Утёс

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубóко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Тучи

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Осень

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

«Выхожу один я на дорогу»

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

«На севере диком стоит одиноко...»

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара^[11] стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чуждых».

«На что мне тебя? – отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, – и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал – да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

Три пальмы

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,

Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плéчам фариса [\[12\]](#) вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван,
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Два великана

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далёких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нём рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришёл с грозой военной
Трёхнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел – потрянул главою...
Ахнул дерзкий – и упал!

Но упал он в дальнем море.
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.

И чёрные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду твёрд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих лётах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьёй,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущусь в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зелёный сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит её рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам —

Её степей холодное молчанье,

Её лесов безбрежных колыханье,

Разливы рек её, подобные морям;

Просёлочным путём люблю скакать в телеге

И, взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,

Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спалённой жнивы,

В степи кочующий обоз

И на холме средь жёлтой нивы

Чету белеющих берёз.

С отрадой, многим незнакомой,

Я вижу полное гумно,

Избу́, покрытую соломой,

С резными ставнями окно;

И в праздник, вечером росистым,

Смотреть до полночи готов

На пляску с топаньем и свистом

Под говор пьяных мужичков.

Молитва

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духо́в
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томила́сь она,
Желанием чу́дным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну порвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам^[13] в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Смерть поэта

Погиб Поэт!^[14] – невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навёл удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый^[15],
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сражённый, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
    Но иглы тайные сурово
    Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шёпотом насмешливых невежд,
    И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
    Замолкли звуки чудных песен,
    Не раздаваться им опять:
    Приют певца угрюм и тесен,
    И на устах его печать.

* * *

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
    Таитесь вы под сению закона,
    Пред вами суд и правда – всё молчи!..

Но есть и божий суд, наперсники^[16] разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

«Нет, я не Байрон, я другой...»

Нет, я не Байрон^[17], я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Поэма

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич^[18]!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоего любимого опричника^[19]
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили её на старинный лад,
Мы певали её под гуслирский звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднёс мёду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шёлком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали – не наслушались.

Не сияет на небе солнце красное,

Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники^[20],
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие своё и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золочёный ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный мо́лодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи тёмные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови чёрные
И навёл на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На молодого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти^[21]
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц – звёзды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучу прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьёю ты вскормлен Малютиной!...»[\[22\]](#)

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

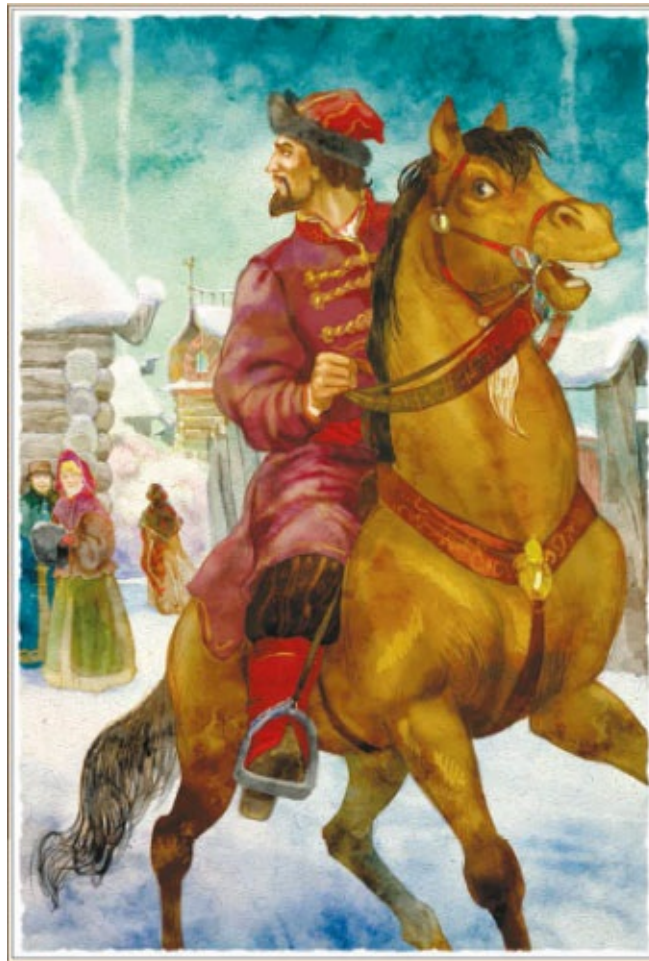
«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу чёрную – не запотчевать!
А прогневал я тебя – воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чём тебе, молодцу, кручиниться?
Не истёрся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалённая?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргмак^[23] мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду-поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком^[24] подтянуса шёлковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,

Чёрным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любуются, глядя, перешёптываясь;
Лишь одна не глядит, не любит, —
Полосатой фатой^[25] закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубушка;
Молвит слово – соловей поёт;
Горят щёки её румяные,
Как заря на небе Божиим;
Косы русые, золотистые,

В ленты яркие заплетённые,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитриевной.

Как увижу её, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони лёгкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство своё?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи приволжские,
На житьё на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слёзные коршун выключет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенёк ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышлёной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитриевне:
Как полюбишься – празднуй свадьбку,

Не полюбишься – не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковы́е товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:

Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

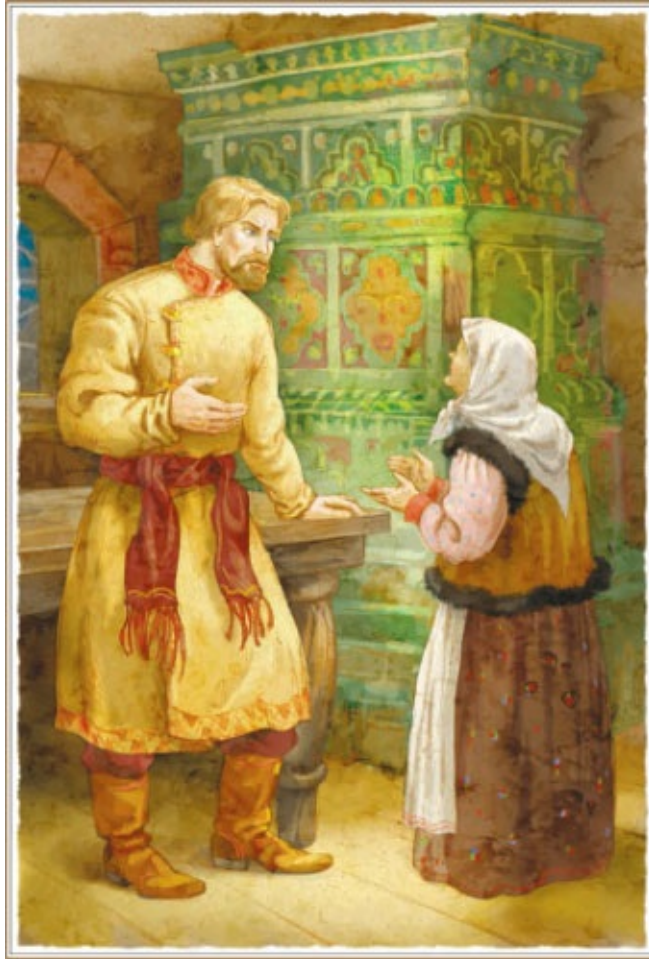
Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлём горит заря туманная;
Набегают тучки на́ небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошёл он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку́.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:

Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмитриевна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитриевна;
Вот уж поп прошёл с молодой попадъёй,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнѣхонька;
Валит белый снег, расстилается,
Замечает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетѣнные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрёпаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..

Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтоб свету божьего ты не видела,
Моё имя честное не порочила...»

И, услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шёпотом:
«Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»

Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, цалуя, всё приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,

Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат – дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючими слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонились
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,
Что послал ты за нами во тёмную ночь,
Во тёмную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьёт он меня – выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,

Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орёл зовёт голосом
На кровавую долину побоища,
Зовёт пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!

Ай, ребята, пейте – дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлёвской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень ^[26],
Для охотничьего бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьёт кого, того царь наградит;

А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершия в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небойсь, призадумались!

Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные [\[27\]](#) плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью тёмною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,

И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич

И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.

И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови чёрные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо своё.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.

Прикажи меня казнить – и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному^[28]
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наострѣнным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,

Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная^[29]
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трёх дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдёт стар человек – перекрестится,
Пройдёт мо́лодец – приосанится,
Пройдёт де́вица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Ашик-Кериб^[30]

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе^[31], жил один богатый турок; много Аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звёзды на небеси, но за звёздами живут ангелы, и они ещё лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе [балалайка турецкая]^[32] и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить её руку – и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика [балалаечник], отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, – запела она, – вставай, безумный, твоя газель идёт мимо»; он проснулся – девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала её песню и стала её бранить. «Если б ты знала, – отвечала та, – кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». – «Веди меня к нему», – сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, – отвечал Ашик-Кериб, – я тебя люблю, – и ты никогда не будешь моею». – «Проси мою руку у отца моего, – говорила она, – и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоём достанет». – «Хорошо, – отвечал он, – положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернётся, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за неё сватается.

Пришёл Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу её благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох

странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, – он смотрит – это Куршуд-бек. «Добрый путь, – кричал ему бек, – куда бы ты ни шёл, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плыви вперёд, – сказал Куршуд-бек, – я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад – о горе! о всемогущий Аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеёю по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несёт бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. «Твой сын утонул в глубокой реке, – говорит он, – вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к наречённой невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, – сказала она ей, – Куршуд-бек привёз его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем», – она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришёл бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город: и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф^[33]; по обыкновению, вошёл в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша^[34], большой охотник до песельников; многих к нему приводили – ни один ему не понравился; его чауши^[35] измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше, – закричали они, – или ты отвечаешь нам головою». – «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, – говорит Ашик-Кериб, – хочу пойду, хочу нет; пою когда придётся, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», – сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нём богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с керваном^[36] из Тифлиза с сорока верблюдами и восемьдесятю

невольниками; призывает она купца к себе и даёт ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, – говорит она, – и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль– Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай^[37] – и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это моё», – сказал он, схватив его рукою. «Точно, твоё, – сказал купец, – я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном^[38] и Арзерумом^[39]. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, – воскликнул он, – если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать», – и хочет он броситься с высокого утёса; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан^[40], что ты хочешь делать?» – «Хочу умереть», – отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утёса. «Ступай за мною», – сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, – отвечал Ашик, – твой конь летит, как ветер, а я отягощён сумою». – «Правда; повесь же суму свою на седло моё и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаёшь?» – спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». – «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». – «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», – отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага^[41], – сказал Ашик, – я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс». – «То-то же, – отвечал всадник, – я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, – теперь открой». Ашик себе не верит – то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по-настоящему надо в Тифлиз». – «Экой ты,

неверный, – сказал сердито всадник, – но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», – прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твоё велико, но сделай ещё больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое–нибудь доказательство». – «Наклонись, – сказал тот, улыбнувшись, – и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза – и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз [св. Георгий].

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана [мать], отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы – ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». – «Ана, – отвечал он, – я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». – «Негодная, – отвечала старуха, – ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слёз потеряла зрение». Но дочь, не внимая её упрёкам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он – на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» – «Любопытный ты гость, – отвечала она, – будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». – «Я уж сказал тебе, – возразил он, – что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» – «Это сааз, сааз», – отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» – «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, – отвечала старуха, – это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене, и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий

Аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб [нищий] – и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утёса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» – «Рашид» [храбрый], – отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, – сказала она, – своими речами ты изрезал сердце моё в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слёз; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придёт?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя её сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». – «Не позволю, – отвечала старуха, – с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, – «а если хоть одна струна порвётся, – продолжал Ашик, – то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой [занавес] с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришёл незнакомец, который говорил: «Селям алейкум^[42]: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». – «Почему же нет, – сказал Куршуд-бек. – Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик [певец], и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» – «Шинды-Гёрурсез [скоро узнаете]». – «Что это за имя, – воскликнул тот со смехом. – Я первый раз такое слышу!» – «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали – шинды-гёрурсез [скоро узнаете]. И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя».

После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино^[43], но Бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дни».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в три дни?»

«За что ж ты меня хочешь убить, – сказал Ашик, – певцов обыкновенно со всех четырёх сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», – сказал жених, и Ашик–Кериб запел снова:

«Утренний намаз^[44] творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям [создатель] дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, – сказали её подруги, – стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». – «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», – отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, – сказал жених, – но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» – «В доказательство истины, – отвечал Ашик, – сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! – закричала она, – это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб», – и, взяв её под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комочек земли из-за пазухи, развёл его водою и намазал матери глаза, примолвля: «Знайте все люди, как могуц и велик Хадрилияз», – и мать его прозрела. После этого

никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми её за себя – и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

---

notes

Примечания

«Бородино́». – Стихотворение написано в 1837 г. к двадцатипятилетию знаменитой битвы у деревни Бородино, ставшей крупнейшим сражением войны 1812 года. 26 августа (7 сентября) на поле, в 125 км от Москвы, встретилось больше ста тысяч солдат с каждой стороны. Бой длился двенадцать часов и окончился с почти равными потерями. Несмотря на то что наступление армии Наполеона на Москву остановить не удалось, эта битва вошла в историю как русский военный подвиг.

«Москва, спалённая пожаром...» – Армия Наполеона вошла в покинутую жителями Москву 2 (14) сентября 1812 г. В тот же день в городе тут и там вспыхнули пожары. Сгорели склады продовольствия и боеприпасов, в огне погибло немало исторических зданий. Зато французы, оказавшиеся в обгоревшем, разорённом и покинутом городе, никак не могли чувствовать себя победителями. И 7 (19) октября Наполеон был вынужден бесславно покинуть Москву.

Редут – замкнутое военное укрепление, предназначенное для круговой обороны. Чаще всего в плане представляет собой четырёхугольник, образованный насыпью, за которой скрываются солдаты.

Мусью (искаж. «месье») – «господин», обращение во Франции.

Картёчь – артиллерийский снаряд из множества мелких железных ядер. Использовали картечь для поражения противника на близком расстоянии (не более трёхсот метров).

Лафёт – опора, на которой закрепляется артиллерийское орудие, например пушка.

Бива́к (от фр. bivouac – «лагерь») – стоянка войск под открытым небом.

Ки́вер – высокий военный головной убор с козырьком и плоским верхом.

Ула́ны – и в русской, и во французской армии XIX в. лёгкая кавалерия, вооружённая пиками. Пики украшались яркими «значками» – флажками (их ещё называли флюгерами).

Драгу́ны – тяжёлая кавалерия. Драгуны были обучены сражаться как в конном, так и в пешем строю. В русской армии в войне 1812 года драгуны носили каски с щёткой конского волоса поверху, в которой при ударе застревала сабля противника. А на касках французских драгун в то время были «конские хвосты», с которых сабля соскальзывала.

Чина́ра – восточное название платана.

Фари́с (араб.) – всадник.

Фими́ам – благовоние, которое жгут при богослужениях.

«Погиб Поэт!..» – Стихотворение написано в 1837 г. и посвящено смерти Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), убитого на дуэли Дантесом. Пушкин вызвал его на дуэль, чтобы защитить честь своей жены – Натальи Гончаровой.

«Как тот певец, неведомый, но милый...» – Имеется в виду Владимир Лёнский – герой романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Ленский приревновал Ольгу Ларину к Онегину, вызвал обидчика на дуэль и был убит.

Напе́рсник (уст., поэт.) – любимец, фаворит.

Байрон, Джордж Гордон (1788–1824) – английский поэт-романтик. Дух его произведений, проникнутых меланхолией, скептицизмом и бунтарством, действительно был очень близок М. Ю. Лермонтову.

Иван Васильевич – Иван VI Грозный (1530–1584) – русский царь, прославившийся своей жестокостью.

Опричник – воин из личной гвардии Ивана Грозного. В 1565 г. царь учредил опричнину, изъял часть земель в своё управление и набрал из бояр и князей тысячу опричников (позже их число выросло в несколько раз). Опричники были царской охраной и разведкой, казнили, судили, пытали, грабили и разбойничали.

Сто́льник – придворный, чином ниже боярина, прислуживающий за царским столом. Впоследствии стольники стали занимать важные административные должности.

Чётверть – старорусская мера длины: $1/4$ аршина – примерно 18 см.

«А из роду ты ведь Скуратовых, / И семьею ты вскормлен Малютиной!..» – Скурáтов-Бéльский Григорий Лукьянович по прозвищу Малю́та (ум. 1573) – приближенный Ивана Грозного, один из самых жестоких опричников.

Аргамак (устар.) – лошадь восточной породы – высокая, стройная и быстрая.

Куша́к – широкий матерчатый пояс.

Фата́ – в Древней Руси покрывало, которым женщины закрывали голову и плечи.

Сажень (и сажень) – старорусская мера длины – чуть больше 2 м. То есть «двадцать пять сажень» – это около 50 м.

Могу́тный (нар. – поэт.) – сильный, крепкий.

Лобное место – сложенное из камня круглое возвышение на Красной площади в Москве. Считалось, что там проводили публичные казни. На самом деле на Лобном месте не казнили – оттуда зачитывали царские указы.

Бестала́нный (нар. – поэт.) – несчастный.

«Аши́к-Кери́б». – Сказка записана М. Ю. Лермонтовым во время ссылки на Кавказ. Хотя она называется турецкой, в ней есть элементы и арабские, и иранские, и армянские, и азербайджанские.

Тифли́з – Тифлис, старое название Тбилиси.

В квадратных скобках примечания М. Ю. Лермонтова.

Хала́ф – старое название города Халеба в Сирии.

Паша́ – турецкий сановник.

Чауш (тур.) – сержант, офицер.

Керва́н – караван.

Карава́н-сара́й – постоя́лый двор на Востоке.

Арзинья́н – турецкий город Эрзинджан.

Арзру́м – турецкий город Эрзурум.

Огла́н – юноша, парень.

Ага́ – здесь: обращение «господин».

Селя́м алейкюм – арабское приветствие «мир вам».

Мисі́рское вино. – Миср – арабское название Египта.

Нама́з – мусульманская молитва.